

Владимир Брагинский
Noblesse oblige

Мемуары, эссе, новеллы

Владимир Брагинский

Noblesse oblige.

Мемуары, эссе, новеллы

«Издательские решения»

Брагинский В.

Noblesse oblige. Мемуары, эссе, новеллы /
В. Брагинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852790-6

Книга, написанная легко и увлекательно, с добрым юмором и запоминающимися характерами персонажей, рассказывает о времени работы в автора в советской киноиндустрии. Ну, а вдумчивый и интеллигентный читатель наверняка доброжелательно оценит и представленные в этой книге эссе на культурологические темы, и воспоминания, и новеллы.

ISBN 978-5-44-852790-6

© Брагинский В.
© Издательские решения

Содержание

Театральный роман	6
Во ВГИКе	10
На даче, или Когда деревья были большими...	12
Шахматная история	14
Из записок директора фильма	16
Ископаемое по прозвищу «Научпоп»...	16
Женя Никитская	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Noblesse oblige

Мемуары, эссе, новеллы

Владимир Брагинский

© Владимир Брагинский, 2017

ISBN 978-5-4485-2790-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театральный роман Случайный взгляд, перчатка и письмо

*И тонкий дым отставленной сигары.
Промчится песня млеющей гитары,
А торжество придет уже само.
Пусть тишина пронзительнее звука —
Не говори мне, что судьба вольна!
Бокал терзаний не допит до дна.
А в глубине – покой или разлука.
Я преферанс еще отдать спешу
Мечтам надежд, что многословно юны...
И лишь в стихах тебя превозношу —
К великосветской радости Фортуны!*

...Мои отношения с театром начались с середины семидесятых. Их жанр вполне можно было бы определить как «театральный роман», столь причудлив был сюжет, напичканный коллизиями тогдашнего времени.

С одной стороны, семидесятые годы знаменовали собой торжество пошлости и гнилости коммунистической системы, прогрессирующего маразма советских руководителей; с другой стороны, – словно в противовес этому тяжелому и удушающему смогу безнравственности и лицемерия цвели все виды искусств – от полуофициального до запрещенного, до андеграунда. По Москве, словно освежающий ветер свободы, гулял «Самиздат», творили «смогисты» (чье название СМОГ – Сообщество молодых гениев – было вызовом уже упоминавшемуся мной государственному смогу), по ночным улицам бродили безумные барды, бредящие братанием и бряцанием расстроенных струн дешевых гитар.

Но главным помостом, где разыгрывалось настоящее действие с кукишем в кармане, был все-таки театр.

Кто жил в те годы, поймет, о чем я говорю.

Кто жил в те годы в Москве, – или хотя бы бывал там наездами, – вспомнит это сладостное предвкушение премьер, эти названия театров, звучащие, как музыка: «Таганка», МХАТ, Театр Сатиры, Театр им. Маяковского, Театр «Эрмитаж», Театр «Современник»...

Кто жил в те годы в Москве, – или хотя бы бывал там наездами, – никогда не забудет эти огромные очереди на лучшие столичные спектакли, эти вихрящиеся людские толпы, одержимые одним лишь желанием – попасть на ту или иную премьеру, увидеть тот или иной спектакль, который либо стал известен, благодаря критике, либо, благодаря слухам, распространяющимся подобно звуковой волне.

О театрах того времени можно написать целое исследование; это было бы, пожалуй, многотомное собрание сочинений.

Мне же, скромному повествователю, хочется рассказать всё же о своем скромном «романе» с «Таганкой».

И прежде всего отметить памятный январский день 1979 года, когда меня пригласили на утренний просмотр («общественный прогон», как говорят в театре) спектакля «Обмен»,

поставленный по знаменитой повести Юрия Трифонова. Можете себе представить, что это значило – попасть в театр к Любимову, да еще и на общественный просмотр, куда соберется весь «бомонд»?

Потому я смутно помню, какая погода стояла в тот день – помню лишь только то, что лихорадочно собирался, думая, как попасть на спектакль заранее, чтобы не опоздать и не застрять где-то по дороге. Успокоился я только тогда, когда, наконец, очутился в зале, и первым делом обратил внимание на то, что сцена была оформлена под обычную московскую квартиру шестидесятых годов; рядом с правой кулисой стоял телевизор с линзой, а по нему «совершенно своевременно» передавали уроки английского языка.

Внезапно шум в зале стих, и я увидел, как взоры моих соседей обратились к распахнувшейся двери рядом со сценой: это появился Любимов с фонариком. Посмотрев на начинающуюся игру, сказал, усмехнувшись:

– Что? Будем учить английский язык?

Зал отреагировал дружно.

Юрий Петрович Любимов.

Наверное, стоит процитировать посвященное ему стихотворение Андрея Вознесенского; по словам поэта, эти строки приурочены к одному из дней рождений Мастера:

*Вы мне читаете, притворщик,
Свои стихи в порядке бреда.
Вы режиссер, Юрий Петрович,
Но я люблю Вас как поэта...
Когда актеры, грим обтерши,
Выходят, истину отведав,
Вы – Божьей милостью актеры,
Но я люблю вас как поэтов...
Учи нас тангенсам-котангенсам,
Таганская десятилетка.
Мы с вами, зрители Таганки,
По совокупности поэты...
Но мне иное время помнится,
Когда крылатей серафимов
Ко мне в Елоховскую комнату
Явился кожаный Любимов...
То чувство страшно потерять,
Но не дождутся, чтобы где-то
Во мне зарезали Театр,
А в вас угробили Поэта.*

Пожалуй, прибегну еще раз к творчеству Андрея Вознесенского, но на сей раз к его прозаическим воспоминаниям:

«Таганка» была художественным эпицентром свободолобивой интеллигенции. Блестательные актеры ее ренессансно одарены – поэты, композиторы, прозаики.

Многие нынешние идеи гласности родились на «Таганке». Зритель там был особо талантлив. Таганская нация – интеллигенция высшей пробы. Великим зрителем была молодая, мыслящая революционно интеллигенция, которая ныне пытается изменить страну.

Зал взрывался не только от политических острот, но и от художественных озарений. Вопреки застойным временам создавались шедевры...»

Вознесенский небывало пафосен; мне, честно говоря, пафос этот немного мешает; скорее всего, он приличествовал бы восторженной курсистке, нежели серьезному поэту.

Впрочем, оставим.

Это всего лишь ремарка в сторону, не имеющая отношения к повествованию.

Что сказать о прогоне?

На мой взгляд, он прошел замечательно, хотя Любимов несколько раз прерывал действие, что-то, не глядя на публику, объяснял актерам, посвечивая им в лицо фонариком.

Мне запомнилась забавная деталь, когда актер Рамзес Джабраилов (по пьесе) налетел на декорацию, выразившись недвусмысленно и «по-русски».

Но приглашение на «Обмен» я назову предварительным событием. Это была прелюдия к роману, предисловие, которое еще ничего не обещало, кроме желания познакомиться с «Таганкой» поближе.

И вот – о, чудо! – через некоторое время в театре на Таганке появился новый главный администратор – Александр Михайлович Ефимович. Впрочем, для меня он был Сашей, Александром – ведь я был знаком с ним, когда учился во ВГИКе, а он в ГИТИСе. Так передо мной внезапно распахнулись двери «Таганки».

Кстати, и в прямом смысле тоже. Когда я впервые пришел к Саше в гости, он – шутя – распахнул передо мной двери своего кабинета, мол, прошу, будьте, как у себя дома...

Что и говорить, вряд ли можно было желать лучшего подарка от судьбы: я побывал практически на всех спектаклях, в том числе и тех, где играл Владимир Высоцкий.

Как рассказать об ощущениях, остававшихся после его игры?

Вряд ли это можно передать словами.

Скажу только, что такое самозабвенное самосжигание на сцене вряд ли можно было встретить; прибегну к банальному выражению: он играл на разрыв аорты.

Я не сталкивался с Высоцким в обыденной обстановке; лишь раз как-то в театральном коридоре, когда я шел в очередной раз к Саше, он прошел мимо меня, и я с удивлением узрел в актере обычного человека среднего роста, ничем не примечательной внешности. В том-то была и сила Владимира Высоцкого, что на сцене он преображался кардинально, становился другим; его голос, его гитарная манера исполнения собственных песен делали любой спектакль намного ярче, добавляли страсти и азарта.

О Высоцком говорили, что он после спектакля отдыхает как минимум два часа. Теперь можете представить, как он выкладывался!

Итак, два года подряд я ходил на «Таганку», несмотря на то, что мне приходилось ехать из Ясенево, путь неблизкий. Однажды я пригласил в театр свою институтскую знакомую. Мне кажется, что она даже вначале не поверила «своему счастью» (думаю, что попасть на «Таганку» в то время значило – выиграть лотерейный билет, не меньше). Но – тем не менее – я назначил ей встречу у метро «Таганская». Она пришла на свидание в удивительно изящном зимнем пальто и красивых сапогах, отороченных мехом (тогда такие наряды в Москве носили немногие, а она их купила где-то за рубежом, будучи в служебной командировке). Я спросил ее, улыбаясь, пришла ли она на «Таганку» или воспользовалась возможностью продемонстрировать свой «прикид» (как сейчас говорят). Знакомая ничего не ответила и только засмеялась.

Кстати, спектакль ей очень понравился, и она уверяла меня, что давно не получала столь острого и осознанного наслаждения от искусства...

...Да, еще несколько слов о моем старом знакомом Александре Ефимовиче.

Несмотря на некоторую оппозиционность Таганки – властям, Ефимович – в то же время – вел себя, как истинный аристократ (что и говорить: театр все-таки был супер-престижным!). Свой рабочий день он начинал с... бассейна, затем завтракал в баре рядом с театром (причем в баре готовились блюда, которых не делали даже в знаменитой «Праге»), и только затем отправлялся на работу.

Однажды Ефимович пригласил меня в... цирк. Пришла его жена. После представления мы пошли вместе с одним французом в ресторан ВТО. Разумеется, здесь Сашу тоже знали очень хорошо, и потому обслуживали нас по первому разряду. Превосходная еда чередовалась с обильной выпивкой. Француз выпил не на шутку и, когда мы вышли из ресторана, выяснилось, что он оставил там свой «case». И тотчас, не успели мы ахнуть, как увидели спешащего к нам администратора с «драгоценной пропажей». Он настолько спешил, что даже не накинул на себя верхнюю одежду, хотя погода была минусовая. Француз остался доволен и всю дорогу бормотал слова благодарности в адрес «милых русских людей».

...Застал я в театре на Таганке и ту пору, когда там строилась вторая сцена. В «администраторскую» частенько захаживал зам. директора по строительству, и мы говорили о шахматах. Думаю, что по интересу шахматы занимали второе место после театра, а матчи знаменитостей вызывали такой же интерес у деятелей культуры, как очередная шумная премьера.

Днем, если я сидел у Ефимовича, мы иногда заглядывали в театральное кафе, там кормили проще, чем в упоминавшемся баре, но актеры не привередничали, да и нам было не скучно...

...Однажды на свой день рождения я был приглашен на спектакль «Мастер и Маргарита». И Ефимович приготовил мне сюрприз: сказал, что на моем сиденье будет как бы невзначай лежать пачка талонов. А что будет дальше, я увижу сам...

И в самом деле: как только я сел, то увидел эту пачку, посмотрел внимательнее и – о чудо! – это были талоны с билетами на утренние спектакли «Таганки». И тут на авансцене показался сияющий Ефимович; обратившись к публике, он сказал:

– Пусть встанет тот, кто нашел на своем сиденье пачку с талонами!

Я встал, довольный и радостный.

Ефимович показал на меня и добавил:

– Этот человек получает подарок от театра – билеты на все утренние наши спектакли! Зал заплодировал.

...Шло время, и с 1986 года я сам стал учиться актерскому мастерству в театре-студии песни. Да и в «администраторской», у Ефимовича, происходило разное и всякое.

Но театр песни – это уже не тот театр, где смеялся Фарада, пели старинные романсы и происходили движения, приведшие к трагическим изменениям в театре на Таганке.

2015

Во ВГИКе Жизнь моя, начальнЫй возраст, детство нашего кино!

*А потом придут оттенки, а потом полутона,
то уменьье, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событиях, пить, любить,
идти на дно...*

*Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак – старый зритель,
я готов*

*занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставишюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственной ролью плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!*

Юрий Левитанский, «Кинематограф»

...Летит время, летит, стремительно, как пуля, только свист у виска – фь-и-ить!
И не успеешь оглянуться, как уже и десятилетия не бывало.

Да что там десятилетия?!

40 (напишу словами: сорок!) лет назад назад, в 1975 году, я поступил во ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Это до сих пор недооценное мною событие.

Наверное, казалось, что еще месяц был резервным (август) – и потому, набрав максимальное количество баллов – я достойно сдал математику, историю СССР, сочинение и географию, – я считал происходящее само собой разумеющимся. Чуть позже, правда, позвонил домой. И... дома были довольны. Мы сходили в ресторан, и я поехал на дачу. Встретил тетку. И она с мужем похлопала мне (как на спектакле).

Ах, этот сладостный шум оваций!...

...В сентябре началась учеба.

Я поступил на экономический факультет, и у нас были экономические дисциплины. Однако в 9 утра демонстрировали фильмы в рамках курса «Советское кино» (во ВГИКе на этажах располагались уютные кинозалы).

Начиная со второго семестра, декан нам выделил «вакантный» день и, начиная со второго курса, мы с однокурсником стали ходить в ресторан «Арагви». Разумеется, там надо было за все платить; и все же «Арагви» оказался вкусным и недорогим рестораном. Во всяком случае, стипендии было достаточно (а я получал повышенную).

Чтобы каждый «вакантный день» ходить в ресторан, мы встречались с приятелем в 2 часа дня. Ресторан уже открывался. В очереди одних разговоров о футболе было полным-полно. Да и сама атмосфера за столиком была исключительно приятной. Даже при завершении посещения, в гардеробе, нас вежливо встречали и подавали пальто.

Конечно, нужно было заплатить копейки.

Но мы старались (было принято).

Кстати, во втором семестре мы ходили на перемене на ВДНХ в кафе «Выставочное», а вечером заходили на второй этаж в коктейль-бар.

Что же касается самой учебы, то у нас была экономическая учеба, но дисциплины, нужные на студии, мы изучали.

На этажах учились актеры, и мне как неوفиту от кино интересно было смотреть на их репетиции.

Во ВГИК заглядывали известные актеры и певцы, и мы встречали их с интересом и почтением.

Нередко в залах нашего института показывали фильмы из Госфильмофонда, которые в кинотеатрах увидеть было нельзя.

Подходило к завершению время учебы, и меня вызвали на распределение. Я спросил по поводу «Мосфильма», но Барышников (пом. начальника управления Госкино СССР) сказал:

– Мы предлагаем вам работать на «Центрнаучфильме».

Не могу сказать, что это предложение меня сильно обрадовало. Но по некоторому размышлению я пришел к выводу, что необходимо соглашаться, прибыл в отдел кадров и сказал, что согласен (не было у меня иного выбора).

Да, время студенчества было интересным (чего только стоили каникулы в Болшево)!

Но юность встречала нас своими реалиями; начиналась работа, начинались студийные съемки (мне предложили должность директора фильма), и многое из студенческих времен стало воспоминанием, как чувство и радости и стремления к самовыражению, и, наверное, юность выразила себя.

Потому как учеба во ВГИКЕ (даже на экономическом факультете) была для меня несомненным достижением.

На даче, или Когда деревья были большими...

*Другая жизнь, а образы все те же:
Шарманщик стар и попугай слезлив.
И бремя счастья обжигает реже.
Чем в те года, когда я был красив.
Меня зовет давнишний полустанок,
Где пыль не горькая и ноты сожжены,
Где средь изысканных напевов итальянок
Лишь недоступен только шепот тишины.
И первый день припоминаю реже,
Когда свистал непрошенный мотив:
«Другая жизнь, а образы все те же —
Шарманщик стар и попугай слезлив».*

Происходило это во времена оно. Когда многое было туманным и «деревья были большими».

Кто знал, на пороге каких событий стоит моя жизнь?

Кто знал, что там, творится в прошлом?

Кто знал, что сулит нам будущее?

Вопросы, они возникли позже, они и сейчас остаются вопросами.

Но тогда...

Тогда было тихое утро, ясное небо над головой и звенящие голоса леса.

Тогда дача казалась мне Берендеевым царством, миром, полным загадок и превращений.

Впервые приехал я на дачу...

Нет, не припомню, честно говоря. Но до «фазенды» нашей надо было добираться по Казанской дороге, до станции «Быково», а оттуда уже на перекладных до искомого поселка. Вообще-то он был небольшим: лес, пруд, сельмаг, правление, словом, нехитрый набор советского быта-бытия.

Однако разнообразило жизнь то, что собиралась шумная, острая компания юных ребяташек, которые ездили на велосипедах, играли на «воображаемые» деньги и кушали с приусадебных грядок смородину, яблоки, клубнику и... капусту брокколи.

Параллельно с нами существовало кропотливое племя цветоводов и огородников; о какие агро-споры вспыхивали между ними; какие урожаи они снимали со своих грядок и клумб!

Помню, что настоящим праздником были дни, когда любители цветов и огородов приглашали нас в свои «фрукто-бары», снять «пробу».

Дачи и участки требовали постоянного внимания, заботы, ухода, ремонта. Вся нагрузка ложилась на плечи отцов семейств; многие из них едва-едва перешагнули полувековой барьер. И многие из них хлебнули огненного лиха на полях сражений. Они были молоды, тогда, в «те баснословные года», в те «сороковые-роковые», и воспоминания о войне были для них живы и горячи, как, скажем, для нас сейчас живы воспоминания о перестроечном времени, когда мы все питали какие-то надежды.

Так вот, я помню, как 9 мая наши «почтенные дачники» собирались вместе: на их пиджаках бликовали ордена и медали, их разговоры касались фронтовой дружбы, в них мелькали названия военных операций, фамилии маршалов и генералов, странные названия зарубежных городов.

...Сейчас, из глубины будущего, бросая взгляд в прошлое, эти разговоры кажутся обыденными, а тогда все казалось странным и услышанным в первый раз, необычным, как было необычно само по себе существование государства Израиль.

Оно, это государство, казалось дальним и необычным, но когда заговорили «громко» голоса из-за бугра, стало понятным, что не так все ординарно, и что игры в доллары и «фрукто-бары» сопряжены с мыслью о далекой стране, которая недостижима и в которой есть, наверное, свои правила и своя общность.

Звучала музыка в саду, крутились пластинки, в палисадниках то и дело раздавался громкий смех; казалось, что война – это некий дрейфующий остров, отплывший не так далеко от берега, очертания еще видны, еще видны остовы зданий, еще слышен грохот пушек, но это все микширует время и пространство.

Итак, я вернусь к тому, что лето проходило весело. Конечно, дача не была похожа на современные коттеджи, которые строят теперь; да и места там было не очень много, очень часто родственники и близкие набивались, но к тесноте все привыкли, не сетовали.

Я помню те времена, когда мы прибывали на дачу на всю неделю.

Я помню те времена, когда я уже учился в вузе, затем работал, но дача оставалась по-прежнему прибежищем и уютом.

«Быково» сегодня – супер-современный район, он продолжает застраиваться быстрыми темпами, он заполнен супер-современными коттеджами. Хотя остались и прежние домики, есть пруд, и, наверное, новые дети, которым «деревья кажутся большими», играют на реальные деньги. А те, кто помнит давний майский праздник, уже не уезжает надолго на работу в Москву, потому как дача стала их новым домом, и они уже далеко не столь юны.

Шахматная история

Когда я научился играть в шахматы?

Как ни странно, ответа на этот простой, казалось бы, вопрос у меня нет.

Хотя мне кажется порой, что это было на юге, и шахматист, который учил меня делать первые ходы, пел весело и с акцентом:

*Гулла ты, рулла ты,
Гулла ты, рулла.
Гулла ты, гулла ты,
Рулла моя!*

Но зато я хорошо помню, как в пять лет пошел записываться в Центральный шахматный клуб, что находился на Гоголевском бульваре в Москве.

Конечно же, поступлению предшествовал сеанс одновременной игры, на котором и отбирались учащиеся.

Я помню, что играл сосредоточенно, но и не помышлял о поступлении. Но когда на доске осталось пешечное окончание, мастер сдвинул фигуры.

И тут я понял, что сыграл вничью, а значит – принят!

Начались занятия.

Меня приводили вечером в ЦШК.

Я играл, но не то, чтобы очень.

Запомнилось, что мастер говорил нам, уже отыгравшим партию:

– Быстрота нужна лишь при ловле блох!

Вскоре я ушел из ЦШК.

Но уже в 10 лет определенно пошел играть на Стадион юных пионеров, где была шахматная секция.

С СЮПом у меня связаны основные воспоминания.

Я прозанимался шахматами на СЮПе до 17 лет, выполнил первый разряд.

И, уже имея первый разряд, участвовал в Пионерской Олимпиаде во Дворце пионеров, где стал призером.

К нам, вообще говоря, часто приходили гроссмейстеры, международные мастера (их приглашала Людмила Белавенец), и даже с некоторыми из них я сыграл удачно.

Кстати, когда завершился турнир во Дворце пионеров, я играл с Артуром Юсуповым (будущим гроссмейстером) и, когда партия шла к выигрышному для меня ладейному окончанию, я предложил ничью (не было времени прийти доигрывать, а по коэффициенту Бухгольца я и так призер), и Юсупов, конечно, согласился на ничью. Так я в турнирной партии сыграл вничью с (будущим) международным гроссмейстером...

В вузе я играл блиц, и в турнирном соревновании сыграл уже в Израиле в 1992 году в Ришон ле-Ционе. Турнир проходил по швейцарской системе (то есть игроки распределены по группам, в соответствии с количеством набранных очков), и в целом мое выступление было даже более удачным, чем предотъездные партии в Москве. Здесь я заслужил более высокий коэффициент – наверное, кандидата в мастера.

...Кстати, интересной была наша поездка в Таллин, кажется, в 72 году, где я играл на «младшей» доске в матче.

Я обратил внимание, что игра для нас была не главной, а может, то, что гостиница была незаурядной по тем временам, и в кафе подавали изделия местной эстонской кухни, рассчитанной не столько на основное питание, сколько на закусывание местного ликера.

Теперь уже, когда я сыграл свой бат-ямский матч в 2001 году в Иерусалиме с командой Университета, я стал подумывать не столько о выступлениях, сколько об изучении шахматной теории и шахматной эстетики.

Конечно, те уроки шахмат, которые я преподал начинающим шахматистам, не стали регулярными, но все же интерес к игре, к ее теории не прервался.

Я и сейчас просматриваю свою шахматную библиотеку (где есть и букинистические книги), играю нетурнирные (как их называют – «легкие партии»). Думаю, что вскоре откроется шахматный клуб, где можно будет учить начинающих игроков, и, может, не столько учить, сколько учиться той новой атмосфере, которая свойственна современным шахматам.

За годы пребывания в Израиле многое происходило в шахматах, и они (я говорю о гроссмейстерских соревнованиях) уже совсем другие. Это относится и к времени, отведенному на партию, и к самой структуре соревнований.

Хотя, конечно, я мысленно остаюсь в тех временах, когда в пятницу вечером в клубе Стадиона юных пионеров мы смотрели и смотрели партии Капабланки и Алехина, и я даже услышал от мастера похвалу:

– Видишь, как получается, когда не трогаешь фигуры!

(Кстати, в Болшево и на даче я играл, не глядя на доску по две партии, а в одном Доме отдыха сыграл (не глядя) даже на 4-х!)

Но... гроссмейстеры приходят вновь, а воспоминания о самой юной и неизбежной привязанности остались, и это, наверное, вещь немалая, как слова учителя в ЦШК:

– Быстрота, дети, нужна, наверное, только при ловле блох!
Значительная сентенция!

Вспоминается сеанс одновременной игры с Юрием Балашовым. Я в испанской партии применил защиту Стейница. В одной позиции черными не выходило преимущества и казалось, что я «накопытил» (такова была оценка со стороны). Но постепенно позиция стала меняться, и преимущество перешло ко мне. И, хотя данная позиция не рассматривалась в вышедших монографиях, было найдено усиление за «белых».

Все же я и сейчас играю защиту Стейница, если только не происходит так называемый «разменный» вариант.

Из записок директора фильма

Ископаемое по прозвищу «Научпоп»...

Стояла зима 1980-го года – одна из многочисленных московских зим. Мне она, наверное, запомнилась еще и тем, что каждое утро я выходил из дома, садился на метро и ехал через всю Москву – до станции «Речной вокзал». Дорога занимала около часа, но на этом не заканчивалась, я садился в обшарпанный троллейбус, который, казалось, переваливался, как утка, с колеса на колесо и с которого, то и дело, слетали штанги, водитель, чертыхаясь и матерясь, вылезал, поправлял их и ехал дальше. Меня это не особенно, признаться, волновало, так как сходить надо было буквально через несколько остановок. Я практически никогда не опаздывал, времени у меня хватало даже для того, чтобы пройтись пешком до Валдайского проезда – именно там находилась знаменитая студия научно-популярных фильмов, в просторечии – «научпоп».

На проходной я показывал свой пропуск вахтеру, неизменному, как Останкинская башня, и шел навстречу своему новому рабочему дню.

«Научпоп» занимал четыре этажа, а на втором находился кабинет Жени Никитской, директора объединения «На морях и океанах» и на «Стальных магистралях» – ведомственного киножурнала, который смотрели железнодорожники в разных уголках СССР в просмотровых залах (кстати, когда я работал в Вятке, то видел, с каким интересом смотрели киножурнал машинисты поезда).

Женя Никитская

Отчетливо ее помню: приятная, моложавая женщина лет сорока, общались мы нередко, отношения у нас были служебные, но теплые, насколько это возможно в рамках производственных отношений.

В тот день, с которого я начал свои воспоминания, Женя попросила меня зайти к ней в кабинет и сказала:

– Значит, так, едешь в Челябинск. Группа подходящая подобралась: кинооператор – профессионал, да и режиссер покладистый!

– Надо – значит надо... – ответил я, а сам уже думал над тем, как найти общий язык с ребятами, чтобы они не перебарщивали в своих запросах. Уж что-что, а с «закидонами» киношников я сталкивался постоянно.

Помню, как та же Женя, просматривая отчет о поездке в Питер, спрашивала, почему группа столько раз заказывала машину. Ну, как я мог объяснить Жене, что режиссер, он же на данной ленте оператор, требовал, чтобы каждое утро, в 9 часов, мы отправлялись на станцию и разворачивали поезд по «гитаре», то есть, против движения. Соответственно, мы и ездили, не переставая, на прикрепленной машине (и только через месяц с участием станции и дистанции из управления МПС Ленинграда этот поезд таки развернули «по гитаре», и оператор снял все это с моста).

Получив распоряжение, я сразу же отправился по различным отделам – оформлять документацию, в том числе и командировочные. Режиссер поддержал мой темп:

– В группе директор должен работать быстро – принес, оформил, написал, съездил!

Сомнительная поддержка – скажем так; я, к примеру, считал, что директор съемочной группы – не мальчик на побегушках. Да, он действительно ходит по инстанциям, занимается организационными и административными вопросами; но он еще и руководит всей работой в целом! Однако же режиссеры на студии придерживались другого мнения. Они не только фактически руководили съемочным процессом в творческом направлении, но и вникали в директорские дела. Казалось, их любопытству нет предела:

– А почему вы платите такому-то рабочему?

– Где мои деньги на такси?

– Я приехал сейчас на такси – заплатите водителю!

– Где «квартирные» деньги (это в случае, если гостиница предоставлялась бесплатно – прим. авт.)?

– Когда, наконец, мне выдадут суточные?

Надо было обладать поистине ангельским терпением, чтобы отбиваться от этих, да и многих других вопросов.

Но вот все вопросы вроде бы удалось утрясти, съемочная группа в полном составе «загрузилась» в поезд, следовавший по маршруту «Москва-Челябинск».

Дорога занимала, в общей сложности, два дня, за окном мелькали зимние пейзажи, по обеим сторонам железнодорожного полотна красовались леса в снеговых уборах, мелькали города и городишки, разбросанные, словно кубики вдоль всего пути следования.

Перед самым отъездом я на всякий случай дал телеграмму:

«Выезжаем на съемки киножурнала „На стальных магистралях“. Директор – Брагинский».

Какой директор – не важно, но звучит солидно, не так ли?

Между прочим, если говорить о солидности всерьез, то солидным можно было назвать одного человека – консультанта из министерства путей сообщения; он же затем подписывал экспертное заключение о снятой картине.

Прежде чем продолжить повествование, я хотел бы, конечно, сказать несколько слов о режиссере, который ехал снимать сюжет. Это был невысокий человек, подвижный, чуточку даже, может быть, суетливый, а главное – постоянно всех поучающий. Знаете, такой тип людей-всезнаек, не знающих куда девать все свои силы могучего интеллекта и жалеющих самих себя от невозможности применения этих сил. В то же время этот тип совершенно безвреден, говорлив и деятелен, вне зависимости от окружающей обстановки.

Я хорошо помню, что один из дней нашего короткого путешествия выпал на какие-то выборы, по вагонам носили специальные коробки, куда надо было бросить заполненные бюллетени. И режиссер – человек «партийный» – проголосовал с чувством хорошо выполненного долга, и остался весьма собой доволен. И дело, скажу, не столько в самом факте голосования, сколько в самом процессе голосования – ему важно было чем-то заниматься, а не сидеть сиднем.

Где-то на середине пути режиссер разговорился, разоткровенничался.

– Знаешь ли, Володя, – говорил он, оглаживая край небольшой салфетки, покрывавшей столик, и глядя в окно, – я не только «партийный» человек, но и семейный. Жена, дети, то сё. Да, Володя, сын-то у меня недавно женился, так что, привел в дом молодую невестку – девушка знатная, скажу тебе, во вкусе моему ребенку не откажешь...

– А чем супруга Ваша занимается? – поинтересовался я.

– Супруга? – задумчиво переспросил собеседник. – Она, брат ты мой, у меня специалист, работает на консервном заводе, который свою продукцию, в основном, гонит на экспорт. Такая вот история...

...А поезд продолжал пробираться через всю Россию, словно пронзая пространство – гнал на Урал, стучали колеса на стыках, мелькали телеграфные столбы, стоящие, как часовые.

Чтобы скрасить время, мы несколько раз ходили в вагон-ресторан, на больших станциях покупали жареных кур для обильного ужина.

Проводников мы практически не видели, за исключением двух эпизодов, когда они приносили утром чай и брали деньги за постельное белье.

В Челябинск мы прибыли в 9 часов утра.

На перроне нас встречали сотрудники местной железной дороги, телеграмму они получили и приехали на вокзал, чтобы отвезти съемочную группу на постой.

Поселили нас в межведомственный гостевой дом, отвели весь первый этаж – так, что каждому представителю нашего коллектива досталось по отдельной комнате.

Что интересно, второй этаж занимали молодые девушки, я уже не помню – то ли слушатели каких-то курсов, то ли участники регионального семинара.

И хотя дежурная по этажу навещать смешливых прелестниц не советовала, я иногда к ним поднимался (мне было не намного больше лет, чем этим девушкам).

Вообще Челябинск встретил нас зимней ясной погодой, убранными улицами, улыбающимися лицами, какой-то искрящейся атмосферой гостеприимства. И это было тем более

удивительно, что сам город был нашпигован всевозможными индустриальными монстрами, пившими кровь из людей круглые сутки.

И еще, что мне особенно запомнилось, сразу бросилось в глаза – челябинские пельменные. Это было действительно уральское чудо – пельменных было много, они работали с самого утра, я своими глазами видел молоденьких улыбающихся девчушек, облаченных в белые ангельские одежды и с каким-то невероятным искусством и изяществом лепивших вручную пельмени. Уж поверьте мне, коренному москвичу, то, что производилось в московских пельменных, не шло ни в какое сравнение с челябинскими пельменями – вкусными, ароматными, с добавленными приправами, что делало их по-своему неповторимыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.